

РОДИНА

06 2013

ОХОТА ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА

НОВОСТИ О ПРОШЛОМ
НОВОСТИ О ПРОШЛОМ
НОВОСТИ О ПРОШЛОМ

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ*

ГЛАВА 8 ЕЖЕГОДНАЯ ЛЕКЦИЯ ПО СТАРЕНИЮ

В 1964 году американское научное издательство «Academic Press» добавило к своей серии обзорных ежегодников по разным областям науки ежегодник по геронтологии «Advances in Gerontological Research», первый том которого выходил под редакцией Бернарда Стрелера, известного геронтолога и биохимика, работавшего в геронтологическом центре в Балтиморе. Я переписывался со Стрелером с 1959 года и встречался с ним в Москве летом 1961-го во время международного конгресса по биохимии. В конце 1963 года Стрелер предложил мне написать для первого тома ежегодника аналитический обзор о роли нуклеиновых кислот в развитии и старении. Я, естественно, согласился, хотя понимал, что английский текст этого обзора необходимо будет отправлять в США не почтой, а с какой-либо оказией и, соответственно, с некоторым риском. Такую оказию в данном случае мне обеспечил профессор Давид Журавский, специализацией которого на кафедре истории Иллинойского университета в Эванстоне была история советской науки. Первая книга Журавского «Soviet Marxism and Natural Sciences. 1917–1932», изданная в 1961 году, подводила анализ событий к появлению теорий Лысенко. Теперь Журавский работал над книгой о Т. Д. Лысенко и в связи с этим каждый год приезжал в СССР на полтора-два месяца, чтобы изучать первоисточники и доступные архивы.

Меня познакомил с Журавским в 1962 году в Ленинграде П. М. Жуковский в период, когда Журавский получил разрешение на работу в архиве Всесоюзного института растениеводства (ВИР). Жуковский, которому в 1962 году было 74 года, уже не работал директором ВИРА, но он оставался наиболее авторитетным сотрудником института и возглавлял кафедру ботаники в ЛГУ. Он был также назначен главным редактором нового академического журнала «Генетика». При поездках в Ленинград я всегда с ним встречался. Журавский свободно владел русским. Его отец родился в Западной Белоруссии и эмигрировал с семьёй

из России в США в 1906 году. В Москве Журавский обычно работал в Государственной библиотеке имени Ленина, где мы и встречались во время моих «библиотечных» дней.

О датах приезда в Москву Журавский извещал меня открыткой из США, которая отправлялась на мой абонентный почтовый ящик в Москве. Я уже знал, что письма, даже заказные, нередко пропадали, открытки приходили быстрее и надежнее. У меня был абонентный почтовый ящик также и в Обнинске. Это помогало избежать в переписке служебного и домашнего адресов. По правилам того времени письма сотрудников института за границу нужно было сдавать сначала в дирекцию в открытом виде, а не опускать в почтовый ящик. Я это правило игнорировал. Мой международный адрес в Обнинске был крайне прост: USSR, Obninsk, Post Office No.1, Ab.p/b 25. В Москве он был ещё короче: Moscow G-19, p/b 14. Письма на институтский или домашний адрес могли пропадать не только из-за почтовой цензуры. Нередко это происходило из-за красивых марок и юных филателистов. Именно в это время я начал изучать проблемы международной корреспонденции.

Бернард Стрелер получил мой обзор вовремя. Он также рекомендовал меня для приглашения на ежегодную конференцию по геронтологии в Европе в 1966 году. Изучение проблем старения быстро развивалось прежде всего в СССР и в США. Здесь уже работали большие институты геронтологии с клиниками для изучения долгожителей. Основным международным журналом в этой области стал основанный 1946 году Натаном Шоком «Journal of Gerontology», выходивший в США. В Западной Европе геронтология как самостоятельная отрасль науки ещё не сформировалась, и здесь не было не только институтов геронтологии, но даже и лабораторий геронтологии или гериатрии при медицинских факультетах.

Исторически изучение проблем старения стимулировалось и в США, и в СССР в связи с надеждой людей на prolongation жизни, тогда как в Западной Европе оно происходило под влиянием роста пропорции старых людей в составе населения и их проблем. Непосредственно возможностью продления жизни в Европе интересовались мало. Медицина

Ж. Медведев. Обнинск. 1965 г.

в европейских странах была государственной и финансировалась из бюджета. Пожилая часть населения в каждой стране является основным потребителем разных лекарств. Чем выше средняя продолжительность жизни, тем выше и бюджетные расходы на лекарства.

Это привело в Европе к парадоксальной ситуации, при которой исследования в области геронтологии субсидировались в основном не правительствами, подобно другим областям науки, а фармацевтическими кампаниями и корпорациями, выделявшими на эти работы большие гранты. Для правительств долгожительство означало расходы, для фармацевтических компаний — прибыли. Одной из наиболее крупных фармацевтических компаний в Европе была в то время «Ciba», создавшая большой фонд «Ciba Foundation» для поддержки медицинских исследований и особенно исследований в области старения. Это объяснение необходимо для понимания письма из Лондона от директора «Ciba Foundation» д-ра Гордона Вольстенхолма, которое я получил в апреле 1965 года. Письмо было длинным, и я привожу здесь в переводе на русский лишь его начало:

«Дорогой д-р Медведев,

Как вы, может быть, знаете, между 1954 и 1959 годами «Сибя Фундейшн» имела специальную программу для вовлечения молодых исследователей в изучение проблем старения. В 1959 году мы пришли к выводу, что уже достаточно сделано в этой области, но мы решили поддерживать этот интерес к проблеме одной ежегодной специальной лекцией по проблеме старения.

С тех пор стало традицией организовывать эту особую лекцию в связи с

* Продолжение. Начало см.: Родина. 2011. № 1, 5–6, 11–12; 2012. № 1–3, 12; 2013. № 2, 4–5.

конференцией Британского общества по изучению старения в каком-либо из научных центров Великобритании. Такие лекции в прошлые годы уже состоялись в Бирмингеме, Лидсе, Ливерпуле, Оксфорде, Глазго, Лондоне и в текущем году лекция состоится в Ньюкасле.

В 1966 году мы планируем провести такую лекцию при Шеффилдском университете на совместном заседании Британского общества по изучению старения и Британского общества экспериментальной биологии в период между 6 и 12 сентября. Лекция будет приурочена к симпозиуму по биологии старения.

Я пишу вам в надежде, что вы, может быть, смогли бы приехать в нашу страну для прочтения этой традиционной 10-й лекции по проблеме старения. Лекции обеспечиваются небольшим гонораром в 35 фунтов стерлингов и в дополнение мы оплатим ваш авиабилет, гостиницу и все другие расходы в течение 5-7 дней вашего визита.

Мы предоставляем вам свободный выбор темы лекции, однако мы полагаем, что вы будете рассматривать проблемы молекулярной биологии старения. Лекция будет напечатана в трудах конференции...»

В письме приводился список всех предыдущих девяти ежегодных лекций. Эта серия была начата в 1957 году д-ром Натаном Шоком, директором геронтологического центра в Балтиморе. В последующие годы для прочтения лекций приглашались учёные из Великобритании, Франции, Голландии, ФРГ, Чехословакии и других стран. Теперь подошла очередь СССР.

Годичные научные чтения по разным отраслям науки — это давняя традиция. Получить такое приглашение — это большая честь, которой редко можно удостоиться дважды в жизни. От подобных предложений не отказываются. Я незамедлительно ответил Вольстенхолму благодарным согласием, но с оговоркой о том, что оформление поездок за границу зависит от многих инстанций и решения принимаются в конечном итоге на уровне Министерства здравоохранения. Лично я могу пока гарантировать лишь то, что текст самой лекции будет получен «Сибя Фоундейшн» задолго до конференции.

В течение нескольких месяцев после моей докладной записки в дирекцию института я не получал никаких анкет для оформления «выездного дела». Устное согласие на мой положительный ответ Вольстенхолму было, однако, дано и в институте, и в международном отделе АМН СССР. Однако необходимого ре-

шения Министерства здравоохранения пока не было. Между тем программа симпозиума с моей вводной лекцией уже рассылалась в декабре 1965 года, и Вольстенхолм сообщил мне, «что согласно традиции годичной лекции предшествует особый обед. На этот обед во вторник вечером 6 сентября приглашены несколько человек». Согласно программе заседания симпозиума начинались 5 сентября и заканчивались 9 сентября. Лекция Жореса Медведева «Молекулярные аспекты старения» планировалась на 6 сентября в Большой аудитории университета. Я был рад увидеть в числе участников симпозиума нескольких известных мне коллег. Среди них был и Бернارد Стрелер с докладом «Возрастные изменения клеток».

В начале 1966 года я решил, что пора посетить иностранный отдел Минздрава и выяснить положение. Заместитель начальника отдела М. А. Ахметелли, принявший меня, стал неопределённо говорить о том, что договор о научном сотрудничестве с Англией на 1966 год ещё не подписан и поэтому неясно сколько «человеко-дней» командировок будет иметь в текущем году их отдел. Папку с моей перепиской, в которой были копии приглашения, в отделе не смогли найти, хотя ранее она здесь была. Между тем по срокам подготовка «выездного дела» должна была уже начинаться, его следовало передавать в «выездную комиссию» ЦК КПСС не менее чем за четыре месяца до отъезда. «Сибя Фоундейшн» организует много разнообразных симпозиумов, и трудности с оформлением поездок в Англию из СССР и других социалистических стран не были, очевидно, новостью для д-ра Вольстенхолма. Моё сообщение о том, что решение проблемы задерживается в Министерстве здравоохранения, вызвало быструю реакцию. В феврале я получил копию официального письма от «Сибя Фоундейшн» министру здравоохранения СССР профессору Б. В. Петровскому. Письмо было на особом бланке, в котором перечислялись и все «попечители» фонда, лорды и члены Королевского общества, а также советские члены «Консультативного совета» организации, академики В. А. Энгельгардт, А. И. Опарин и М. М. Шемякин. Излагалась история поддержки исследований в области старения: «Мы теперь хотим пригласить д-ра Медведева, руководителя лаборатории молекулярной радиобиологии в Обнинске прочитать «Сибя Фоундейшн» 10-ю ежегодную лекцию по проблеме старения на тему «Молекулярные аспекты старения»... Копия этого письма послана директору института медицинской

радиологии в Обнинске... Мы были бы очень благодарны за ваш быстрый и благоприятный ответ по этому вопросу, который, как мы верим, усилит взаимное уважение и сотрудничество британских и советских учёных...»

Через три недели после получения этого письма я был вызван в иностранный отдел министерства к тому же Ахметелли. Он принял меня не слишком любезно и сообщил, что министр здравоохранения вопрос о моей поездке в Великобританию решил отрицательно. Министр считает, что англичане оказали мне «слишком большую честь». Ахметелли также сказал, что Петровскому неудобно самому отвечать на письмо Вольстенхолма отказом и поэтому я должен взять эту миссию на себя, найдя подходящую причину. Если я этого не сделаю, то их отдел не станет иметь со мной никаких дел и в будущем. Это была явная угроза. Мне оставалось лишь высказать своё собственное мнение и об Ахметелли, и о его отделе, который выполняет не те функции, которыми ему следовало бы заниматься.

Спустя несколько дней в министерство был вызван директор ИМП Г. А. Зедгенидзе. Ему, очевидно, уже в более ясной форме предложили подписать короткое письмо Вольстенхолму, чтобы избавить от этой миссии министра. Возможно, директору сообщили, что решение принято ещё выше. Зедгенидзе мне ничего не сказал, хотя у нас были достаточно хорошие отношения. Я с ним встречался еженедельно на заседаниях Учёного совета ИМП. О его письме с отказом я узнал лишь несколько недель спустя, когда получил из Лондона копию этого письма и ответ на него д-ра Вольстенхолма:

«9 марта 1966

Дорогой профессор Вольстенхолм,

Я был очень рад получить копию вашего письма, в котором вы просите содействия в осуществлении приезда в Англию д-ра Медведева из нашего института с тем, чтобы прочитать лекцию по проблемам старения. Однако я выражаю своё сожаление и полагаю, что д-р Медведев не будет в состоянии приехать в Англию в этом году, ввиду огромной загруженности работой в его лаборатории.

Искренне Ваш

Профессор Г. А. Зедгенидзе, директор Института медицинской радиологии».

Письмо было написано на хорошем английском языке. Ответ Вольстенхолма был очень быстрым:

«Дорогой профессор Зедгенидзе,

Ваше письмо от 9 марта прибыло как

глубокое разочарование... В прошлом годовые чтения по проблеме старения в нашей программе были сделаны учёными из США, Франции, Голландии, Израиля и других стран, и мы будем очень сожалеть, если СССР не будет представлен в этой серии... Если д-р Медведев так сильно занят, то приезд на 2-3 дня был бы несомненно лучше, чем ничего. Неужели вы сочтёте невозможным разрешить ему на 2-3 дня оторваться от своих обязанностей, тем более, что он, может быть, согласиться компенсировать этот ущерб за счёт своего отпуска...

Я посылаю копию этого письма профессору Петровскому, министру здравоохранения СССР, а также академикам Энгельгардту, Опарину и Шемякину, которые представляют «Сибя Фоундейшн» в вашей стране.

Искренне Ваш...»

Судя по этому письму, Вольстенхолм не был настроен сдаваться. Через много лет я узнал, что в 1942 году во время войны Вольстенхолм, опытный хирург, спустился на парашюте в расположение югославских партизан маршала Тито. Вместе с ним было сброшено и оборудование для военно-полевого госпиталя. Он работал в горах Югославии почти два года, и его жена Душанка была сербским врачом этого госпиталя.

Энгельгардт, Опарин и Шемякин, директора трёх институтов АН СССР, получили копии всей переписки и личные письма Вольстенхолма, с просьбой оказать влияние в положительном решении проблемы. Опарин, как и следовало ожидать, проигнорировал эту просьбу. Энгельгардт и Шемякин активно включились в решение проблемы. Об этом я узнал позднее, когда Энгельгардт, Директор Института молекулярной биологии, с которым я был хорошо знаком, передал мне копию всей переписки. Энгельгардт и Шемякин подготовили для Петровского докладную записку, причём Энгельгардт, добившись приёма у министра, вручил её Петровскому лично и в беседе настоятельно рекомендовал принять положительное решение. Энгельгардт сам несколько раз участвовал в симпозиумах «Сибя Фоундейшн» и был в дружбе с Вольстенхолмом.

Докладная записка академиков Энгельгардта и Шемякина Петровскому была достаточно подробной. Они давали высокую оценку «ряду серьёзных работ Ж. А. Медведева по проблемам биологических основ старения» и объясняли, что «Сибя Фоундейшн» находится в очень хороших деловых отношениях с Академией Наук СССР.

Вмешательство двух известных ака-

демиков лишь осложнило ситуацию. Меня на этот раз вызвал срочной телефонограммой начальник иностранного отдела Новгородцев и в категорической и высокомерной форме потребовал прекратить и переписку с Вольстенхолмом, и все действия, связанные с лекцией.

Я, конечно, снова написал Вольстенхолму, сообщив, что очень энергичные усилия Энгельгардта и Шемякина не принесли положительных результатов. Между тем по линии «спецотделов» из Министерства здравоохранения в ИМП было направлено письмо, которое требовало «указать Медведеву на недопустимость его поведения и принять необходимые административные меры». Вслед за этим в институт пришло письмо из международного отдела АМН СССР, в котором предлагалось сообщить, «какие конкретные меры были приняты партийной организацией и дирекцией института по отношению к Ж. А. Медведеву, в связи с нарушением им норм переписки и контактов с иностранцами». Спецотдел нашего института (спецотделы или «особые отделы» ведали секретностью, и в них обычно работали отставные профессионалы КГБ) потребовал от меня объяснений в письменном виде. Я написал краткое объяснение, приложив к нему русский текст лекции.

До конференции в Шеффилде оставалось два с половиной месяца. Нужно было найти оказию для отправки Вольстенхолму текста лекции на английском, которая, около 40 страниц на машинке, была уже готова. В июле в Москве в МГУ собирался Международный конгресс микробиологии, в работе которого принимали участие и несколько сотрудников ИМП. Среди британских микробиологов, которые приезжали на Конгресс, я хорошо знал Ральфа Купера, который в 1958-1959 годах по обмену аспирантами между Московской сельскохозяйственной академией имени Тимирязева и Ротамстедской сельскохозяйственной станцией в Англии работал под моим наблюдением на кафедре агрохимии и биохимии. Его темой были азотфиксирующие бактерии и меня просили ему помогать просто потому, что я владел английским языком. Но мы стали друзьями и впоследствии переписывались.

В июле 1966 года Купер, работавший теперь в Хатфилдском колледже, приезжал в Москву с сыном, не только на конгресс по микробиологии, но и как турист. Вместе с сыном Паулем, 13 лет, Ральф побывал в гостях и у нас в Обнинске. Несколько дней, когда отец был на заседаниях конгресса, его сын Пауль оставался с нами. Мы вместе с ним ходили купать-

ся, плавали на байдарке, ходили в лес за грибами. Сам Ральф немного говорил по-русски и хорошо знал все проблемы. В 1959 году я уже отправлял с ним в Англию небольшую статью, которая была напечатана в журнале «Nature». Он пообещал отредактировать текст лекции, улучшив мой английский, перепечатать его снова и передать Вольстенхолму. Я также попросил его отправить один экземпляр в США Стрелеру.

В конце августа я получил письмо от Ральфа, в котором он сообщал, что Вольстенхолм попросил его быть моим представителем на конференции и объяснить аудитории причины отсутствия лектора. Ральф выполнил эту просьбу. Моя лекция была зачитана для собравшейся аудитории Стрелером. Вскоре я получил письмо Вольстенхолма, который подробно рассказал мне о том, как была организована лекция и кто присутствовал на обеде в честь лектора. Среди них были Купер, Стрелер и Алекс Комфорт. Комфорт, ставший вскоре знаменитостью не только в области геронтологии, был тогда известен как автор книги «Биология старения», которая считалась лучшим учебным пособием по геронтологии. Я получил также письма от Стрелера, Купера, вице-канцлера Шеффилдского университета и некоторых участников симпозиума. Наконец, в полной сохранности пришла по почте магнитофонная запись всего заседания, продолжавшегося около двух часов. Пришло также и поразившее меня письмо от научного редактора эдинбургского издательства «Oliver and Boyd». Это издательство уже давно готовило английский перевод моей книги «Биосинтез белков и проблемы онтогенеза», изданной в Москве в 1963 году. Для английского издания эта книга несколько раз дополнялась. Редактор издательства сообщал, что они приняли меры к тому, чтобы выход английского издания был приурочен к началу симпозиума в Шеффилде. Сигнальные экземпляры книги были экспонированы для участников симпозиума.

В Обнинске в начале сентября меня ждала более суровая действительность. Осенью, как известно, все городские организации мобилизовывались на уборку картофеля. И надо было такому случиться, что именно 6 и 7 сентября очередь на уборку дошла до нашего отдела общей радиобиологии и генетики. Нам отвели поле в два гектара в совхозе в 25 километрах от города. Картофель нужно было не только собрать, но и отсортировать на крупный и мелкий...

г. Лондон